

DOI 10.15393/j9.art.2016.3748

УДК 398.21

Анастасия Сергеевна Лызлова*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

alyzlova@rambler.ru

АВ ОВО: О СЕМАНТИКЕ СКАЗОЧНОГО ОБРАЗА

Аннотация. В статье рассматриваются главные функции, присущие такому распространенному сказочному атрибуту, как яйцо. Основное мифологическое значение яйца, связанное с космогонизмом, отголоски которого в русских сказках пытался обнаружить В. Н. Топоров, претерпевает в произведениях данного фольклорного жанра сильные изменения. Здесь этот атрибут может содержать важные элементы — жизненную силу Кощея, любовь / тоску Царь-девицы (сюжетные типы 302₁ *Смерть Кощея в яйце* и 400₂ *Царь-девица*), служить временным хранилищем элементов иного мира (сюжетный тип 301А, *В Три подземных царства*) и — чрезвычайно редко — способствовать появлению человека на свет (сюжетный тип 327В *Мальчик с пальчик у ведьмы*). Выполняемые яйцом функции наполнены фантастическим содержанием. При этом в ряде случаев подобные действия могут быть связаны и с другими, эквивалентными яйцу, предметами (кольцом, клубком, шкатулкой или платком). В некоторых сказках, кроме того, происходит еще большая трансформация: яйцо становится реалией текстов, отличающихся юмористическим характером (сюжетные типы 1218 *Высиживание куриных яиц*, — 1218** *Лентяй сидит на лебединых яйцах*, 1677 *Министр (генерал) заменяет шута, занятого высиживанием цыплят*, 2022В *Разбитое яичко*).

Ключевые слова: русские сказки, функции, яйцо, сюжетные типы

Яйцо принадлежит к числу чрезвычайно многозначных символов. Оно играет существенную роль в мифологических и религиозных представлениях многих народов, присутствует в фольклоре и культуре.

Еще в самом начале XX века известный литературовед и фольклорист Ю. А. Яворский составил библиографический указатель, озаглавленный «*Omne vivum ex ovo*» (т. е. *всё живое из яйца*) и опубликованный в Киеве в 1909 году. Это издание открывалось следующими словами: «Яйцо, — этот видимый источник всякой органической жизни и вместе с тем самый

распространенный и излюбленный продукт питания, не могло не привлекать к себе, во все времена и повсеместно, пытливого человеческого внимания, не могло не возбуждать, так или иначе, суеверной народной мысли и фантазии. И действительно, на всем протяжении исторической жизни земли, во всех ее полосах и уголках, насколько это, конечно, для научного исследования вообще открыто и доступно, мы замечаем, в большей или меньшей степени, что яйцо являлось всегда и является и ныне еще предметом самых разнообразных проявлений и видов народного суеверия, творчества и даже «культы» [11, 7]. В данном библиографическом указателе весь материал разделен на 9 рубрик, учитывающих основные значения яйца в вышедших к тому времени отечественных и зарубежных исследованиях, а также фольклорных произведениях:

- I. Статьи и заметки общего характера.
- II. Творец мира, Бог — из яйца.
- III. Мир, солнце, земля — из яйца.
- IV. Источники и реки — из яйца.
- V. Люди — из яйца.
- VI. Царства, дом, скот и т. п. — из яйца.
- VII. Черти, домовики, драконы, василиски и т. п. — из яйца.
- VIII. Жизнь или душа человека или чудовища — в яйце.
- IX. Судьба дома — в яйце.

Среди ссылок на издания встречаются и названия первых сборников русских народных сказок, появившихся в конце XIX — начале XX веков, составленных А. Н. Афанасьевым¹, И. А. Худяковым², Д. Н. Садовниковым³, Н. Е. Ончуковым⁴.

Действительно, образ яйца чрезвычайно распространен в текстах данного фольклорного жанра и представлен в нескольких сюжетных типах, что мы попытаемся продемонстрировать.

В «Словаре предметных реалий русской волшебной сказки», составленном В. Е. Добровольской, отмечается, что выбранный для исследования атрибут выполняет три основные функции: 1) содержит внутри себя судьбоносные факторы (смерть Кощея, любовь Царь-девицы): СУС 302₁, СУС 400₂; 2) является снабжающей предметной реалией (содержит внутри дворец / царство): СУС 301; 3) способствует появлению ребенка: СУС 327В [1, 31]. Остановимся на каждой из этих функций.

Мотив чудесного рождения персонажа посредством высиживания яйца чрезвычайно редко встречается в сказках сюжетного типа, зафиксированного в СУС под номером **327В** *Мальчик с пальчик у ведьмы*. Один из подобных текстов представлен в сборнике А. Н. Афанасьева:

<...> вот он (старик. — А. Л.) обошел все дворы, собрал с каждого по яичку и посадил клушку⁵ на сорок одно яйцо. Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха, — а из тех яичек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких, а один не удался — хил да слаб!⁶

Еще один встретился в собрании, включающем русские сказки Урала:

Старик, значит, забрал яйца в корзину, принёс домой. Посадил старуху парить на яйца. Яиц было сорок штук. Через несколько дней яйца полопались, вылупилась, значит, не птица, а похожи на людей. Эти люди росли не по дням, а по часам⁷.

Между тем, например, Ю. А. Яворский ссылается на «народную прибаутку, записанную П. И. Мельниковым-Печерским: “хохлов не баба породила, а индюшка высидела, из каждого яйца по семи хохлов”» [11, 17]. Кроме того, по одной из версий мифа, из лебединого яйца появились Елена Троянская и диоскуры (Кастор и Полидевк)⁸. В трансформированном виде способ, касающийся высиживания человеком цыплят из яиц, упоминается в нескольких сюжетах, относящихся к сказкам-анекдотам. К примеру, содержание сюжетного типа СУС **1218**, который так и называется *Высиживание куриных яиц*, сводится к следующему: «барин (пан, барыня) дает мужику корзину яиц, чтобы он высидел курочек; мужик получает зерно и разные продукты якобы для цыплят; сообщает, что вывелись петушки (съев яйца, сжигает корзину, сарай)»⁹. Похожим образом разворачиваются события в сюжетном типе СУС **1677** *Министр (генерал) заменяет шута, занятого высиживанием цыплят*¹⁰. О высиживании гусей идет речь в сказке «Как мужик гусей парил», опубликованной впервые в «Олонецких губернских ведомостях» (1898, № 16) и переизданной в сборнике «Русские сказки в Карелии (старые записи)», подготовленном М. К. Азадовским:

Пошел мужик за вичьем в лес, нашел гусиных яиц гнездо и воротился домой.

Говорит жены: «Я теперь пахать не буду».

А жена спрашивает: «Что же ты пахать не будешь?»

А мужик жены: «Я буду гусей парить».

— А кто будет пахать?

— А ты паши! Ты мне наладь большой бурак¹¹ в сени, я буду гусей парить.

Жена наладила бурак. Мужик сел парить, а жена поехала пахать. День пахала, другой пахала, и третий уж пашет и плачет. Наступил вечер, баба приехала домой, отворила ворота, муж в бураку сидит и по-гусиному просит: «Га-га-га-га»¹².

Жена вынуждена пахать и дальше. Однажды проезжающий мимо барин застаёт ее за этим занятием. Он советует ей переодеться в барина (надеть его шляпу и мундир), сесть на лошадь, взять плетль и, приехав домой в таком виде, налупить мужа со словами:

Не парь гусей, не парь гусей, а иди пахать, не жены дело пахать, — а твое¹³.

Этот текст условно причислен составителями СУС к сюжетному типу **1319** *Кобылье яйцо*, в котором «глупец (поп) садится на тыкву, чтобы высидеть жеребенка (щенка), принимает за жеребенка убегающего зайца» (282). Нам представляется возможным отнести его к сюжетному типу СУС — **1218**** *Лентяй сидит на лебединых яйцах*, «чтобы разбогатеть не работая; солдат проучил его» (275).

В сказках, таким образом, мотив появления человека из яйца практически не представлен, но юмористическим содержанием наполнена обратная ситуация: высиживание цыплят из яйца человеком.

Наибольшее распространение в произведениях рассматриваемого фольклорного жанра получил образ яйца как средоточия «судьбоносных факторов» (по терминологии В. Е. Добровольской), т. е. жизненной силы Кощея и любви (или — добавим — тоски) Царь-девицы. Сюжетный тип СУС **302**, *Смерть Кощея в яйце* представлен многочисленными записями сказок, произведенными в разное время на всей территории России. Он достаточно подробно рассмотрен Н. В. Новиковым в монографии «Образы восточнославянской волшебной сказки» [7, 193–210]. Помимо названного персонажа обладателем заветного яйца в сказках оказывается

функционально близкий ему Карачун, а также Змей или дьявол. Местоположение яйца описывается «формулой, достаточно устойчивой по содержанию, композиции и стилю» [7, 207]. В самом общем виде она звучит следующим образом:

На море, на окиане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце — моя (Кощя. — А. Л.) смерть!¹⁴

Отметим, что впервые подобная формула используется в «Сказке о весьма чудных и прекрасных гусях-самогудах», помещенной в сборнике «Дедушкины прогулки, или продолжение настоящих русских сказок», опубликованном в 1786 году:

Тогда-то уже Кощей Бессмертный сказал ей всю правду. Он ей говорил: «Смерть моя далеко отсюда и трудно кому ее достать. Она есть на море, на океане, и на том море есть остров Буян, и на том Буяне острове есть зеленый дуб, и под тем дубом зарыт сундук железный, и в том сундуке есть коробка, и в той коробке есть заяц, и в том зайце есть утка, а в утке яйцо, и кто то яйцо достанет и раздавит, то и я в ту ж самую минуту умру»¹⁵.

Подобным же образом описывается месторасположение любви / тоски Царь-девицы в соответствующем сюжетном типе СУС 400₂:

На той стороне океана-моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-девицы!¹⁶
<...> у ей тоска обрана, в утче яйцо закрыта и в шкатулку замкнута, и ключик брошенной в озеро, а шкатулька — там стоит дуб высокий, и в этом дубу шкатулька, а ключик в море¹⁷.

Попутно отметим, что мотив хранения тоски девушки в яйце встречается и в карельских сказках. Так, в тексте «Сын Ийван-старика» герой, отправившись на поиски уехавшей невесты, приходит к старушке, которая сообщает ему:

— Иди на берег моря, там есть ивовый куст, под кустом шкатулка, в шкатулке зайчик, внутри зайчика утка, в утке яйцо, в яйце тоска моей крестницы¹⁸.

Частично эти же слова используются во многих заговорах. В рассматриваемых сказках элементы данной формулы могут варьироваться, а также утрачиваться. Это вполне объяснимо:

ведь редукция, как показал В. Я. Пропп в статье «Трансформации волшебных сказок», является одной из характерных особенностей бытования сказки [9, 162]. Смерть Кощея и любовь (тоска) Царь-девицы, таким образом, пребывают в нескольких вложенных друг в друга одушевленных и неодушевленных предметах. Такое хранение можно объяснить тем, что, как отмечает С. Ю. Неклюдов, «ступенчатое суживание угла зрения и постепенное уменьшение каждого последующего предмета должно в пределе дать полное “размывание” объёмности» [6, 67]. Указанные условия обеспечивают надежную сохранность воплощенной в яйце сущности. При этом в одном случае добывание героем необходимого атрибута и его уничтожение приводит к гибели Кощея или заменяющего его персонажа. Как отмечает В. Е. Добровольская, «заключение смерти Кощея в яйцо связано с представлениями о парциальной магии» [1, 135]. Яйцо — это не сама смерть, а то, что способствует наступлению смерти при разрушении, в нем спрятана жизнь, или, точнее, душа противника. Гибель Кощея в сказках происходит в результате разбивания яйца или удара им об его голову.

Весьма ценные наблюдения о функции яйца применительно к Кощею высказывал в свое время и Е. М. Неёлов: «само яйцо в фольклорном сознании может быть соотнесено как со смертью, так и с жизнью <...>; яйцо — это точка зрения „народной этимологии” — уже не совсем смерть, но еще и не совсем жизнь. <...> В сказочном эпизоде <...> яйцо — символ начала жизни. <...> Рождается новая жизнь — и в этот момент Кощей-смерть погибает» [3, 163], [5, 53–54].

В случае с Царь-девицей добытое яйцо нужно съесть в виде какого-либо блюда, посредством чего она начинает испытывать любовь по отношению к герою или вспоминает о нем (если речь идет о тоске).

Наконец, использование яйца в качестве предмета, содержащего внутри дворец или царство, чрезвычайно распространено в текстах о трех царствах (медном, серебряном и золотом), объединенных сюжетным типом СУС 301А, В:

Вернулся (Иван. — А. Л.) в золотое царство, скатал его в яйцо, положил в корман, взял девушку и пошел назад. Так же

и серебряно царство скатал в яйцѹ, положил в корман, взял девушку. Так же сделал и в медном¹⁹.

Отошли немного. Арикад-царевич и говорит: «Ах, говорит, какое прекрасное строенье! Жаль бросать!» — «А вам, говорит, Арикад-царевич хотелось бы это строенье взять с собой?» — «Как бы не хотелось!» — «Пойдите, говорит, зайдите в ворота, катайте по стенке рукой, — все и скатается в яичко». Вот он катал, все яичко и скатал, скатал золотое яичко, положил в карман и пошел. Вот они опять пошли; приходят к серебряному дворцу. Взял с собой Арикад-царевич девицу из серебряного дворца, и серебряное яичко таким образом. Потом и девицу из медного дворца и медный дворец так же взял²⁰.

Отметим, что впервые мотив сворачивания царств / дворцов в яйцо встречается в сказках лубочного характера, опубликованных в XVIII веке. Так, в «Сказке о золотой горе, или Чудных приключениях Идана, восточного царевича», изданной в 1782 году, сообщается:

Царевна, видя храбрость сего младого царевича и чрезмерно его любя, благодарила его за ее избавление, предлагая ему, что она охотно желает быть ему супругой, и в залог своей к нему верности отдала ему медное яйцо, которое развернув, показала ему скрытое в нем медное государство, коим она обладает²¹.

В «Сказке о Василие-королевиче», помещенной в сборнике «Старая погудка на новый лад», вышедшем несколькими выпусками в 1794–1795 годах, и представляющей собой переработанный вариант «Сказки о золотой горе», ситуация описывается похожим образом:

Королевна, видя неустрашимость такого героя, благодарила его за оказанную услугу и подарила ему яйцо, сокрывающее в себе серебряное королевство²².

С одной стороны, эти примеры могут служить косвенным доказательством архаичности мотива использования яйца в качестве «снабжающей предметной реалии». Ведь лубочные сказки в большинстве своем имеют фольклорную основу; по словам К. Е. Кореповой, авторы таких произведений не создавали новых сюжетов, а по-новому обрабатывали уже имеющиеся в устном народном творчестве [2, 24]. С другой стороны, использование яйца в качестве атрибута, служащего

для сокрытия царства / дворца могло возникнуть именно благодаря фантазии автора.

В. Н. Топоров считает, что сказки о трех царствах являются удачным источником для реконструкции мифа о мировом (космическом) яйце в славянской традиции, в которой не отмечены другие подтверждения того, что «мир в целом или отдельные его части (небо, земля и т. д.) возникли из мирового (космического) яйца» [10, 81]. Ю. А. Яворский также отмечает, что «космогоническая роль яйца <...> должна быть признана *первоначальной и основной ячейкой* всяких других представлений и поверий о нем, из которой все они, тем или иным путем, *произошли и образовались непосредственно и прямо*» [11, 10]. Согласно аналитическому каталогу «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам», составленному Ю. Е. Березкиным, представление о яйце, которое располагается в мировом океане или в мировой бездне и из которого появляются земля, небо, светила, боги-создатели, известно многим народам мира:

В79. Космическое яйцо.

.11.–.14.17.20.–.27.29.–.32.34.38.

Бантуязычная Африка. Фанг.

Западная Африка. Манде, догоны.

Восточная Африка — Судан. Фали.

Северная Африка. Древний Египет.

Передняя Азия. Финикийцы.

Микронезия. Полинезия. Гилберта, Таити, о-ва Общества (Раиатеа), Туамоту, Гавайи, маори.

Тибет, Северо-Восток Индии. Тибетцы, хруссо, мири, качин.

Бирма, Юго-Восточная Азия. Кхамти.

Южная Азия. Махабхарата, Шатападха-брахмана, Ригведа, сора, хариа.

Индонезия. Даяки, Ява, Суматра.

Филиппины. Самал.

Китай. Древний Китай.

Балканы. Древняя Греция.

Кавказ — Малая Азия. Карачаевцы.

Иран — Средняя Азия. Авеста (Бундахишн), зороастризм.

Балтоскандия. Саамы, эстонцы, финны, карелы, ингерманландцы, водь, вепсы.

Волга — Пермь. Коми-зыряне, мордва, чувашаи.

Южная Сибирь — Монголия. Сибирские татары, тофалары.
Япония. Японцы²³.

Как видно, славянских народов в этом перечне нет. Между тем, опираясь на русские сказки, относящиеся к сюжетным типам СУС 301А, В *Три подземных царства* и 302₁ *Смерть Кощея в яйце*, В. Н. Топоров предлагает реконструкцию нескольких блоков мифа о мировом яйце: 1. Связь яйца с первозданным хаотическим началом как местом его пребывания (т. е. с водой); 2. Роль яйца в создании вселенной (трех царств); 3. Яйцо, первый культурный герой, борьба со Змеем; 4. Яйцо, жизнь, плодородие, богатство [10, 92–99].

В то же время следует учесть, что в отдельных случаях в роли предмета, способного содержать в себе дворец или царство, выступает яблоко:

Она (царевна. — А. Л.) стукнула золотой дворец палочкой — и он превратился в золотое яблоко. Пошли они назад, дошли до серебряного дворца, средняя сестра стукнула по дворцу палочкой — и он превратился в серебряное яблоко. Взяли они его и пошли дальше. Пришли к медному дворцу, старша сестра стукнула по дворцу палочкой — и он превратился в медное яблоко²⁴.

Та царица (из золотого царства. — А. Л.) собрала свой дворец в яблочко²⁵.

Отметим, что в последнем тексте еще две царицы собирают свои дворцы «в куриную скорлупу» (медный) и «в грецкий орех» (серебряный).

Можно согласиться с высказыванием В. Е. Добровольской о том, что «генетические истоки таких сказочных образов, как яйцо и яблоко, чрезвычайно глубоки (яблоко связано с богатством, плодородием, вечной жизнью; яйцо связано с представлениями о сотворении мира), однако мифологическая природа этих образов не позволяет объяснить природу их функционирования в сказке» [1, 107]. При этом, как отмечает исследовательница, «сравнение яйца с царством или дворцом могло сформироваться в сказке и под влиянием загадок, где яйцо описывается как некий пространственный объект» [1, 107]:

Крепь-город,
 Да Бел-город,
 А в Бел-городе
 Воску брат²⁶

Крик-крик-город
В Крик-городе Бел-город
В Бел-городе — желтый воск²⁷.

Добавим к этому: «В доме еда, а дверь заперта»²⁸.

В приведенных в качестве примеров загадках яйцо представлено в виде города или дома.

В некоторых сказках яйцо / яблоко заменено клубком или кольцом:

Та сняла с руки кольцо, бросила на крышу, и домик овернулся в кольцо²⁹.

А Иван-царевич пришел в жемчужное царство, взял свою матушку и пошел в обратный путь; смотрит — жемчужное царство клубочком свернулось да вслед за ним покатилося. Пришел в золотое царство, потом в серебряное, а потом и в медное, взял повел с собою трех прекрасных царевен, а те царства свернулись клубочками да за ними ж покатилося³⁰.

В одном из проанализированных текстов рассматриваемого сюжетного типа дворцы заключаются в шарик:

Девица проговоривши ему неизвестные слова, и превратилось все в золотой шарик. <...> Так же дошли до другой девицы <...>. И эта девица обратила всё в шарик. Так же и третья³¹.

Таким образом, не только яйцо, но и иные, эквивалентные ему предметы, используются в сказках. Все они отличаются небольшим размером, а также тем, что имеют округлую форму и могут катиться.

В то же время в отдельных сказках функция сокрытия дворца или царства возлагается на платок:

Она (царская дочь. — А. Л.) взяла платок из кармана вынула, избушка вся, знаешь, в платок, дом хороший. Ну, платок в карман <...>³²

Махнула платком, и никакого дому не стало. Дала ему (Ивану-царевичу. — А. Л.) платок³³.

В другом тексте дворцы превращаются в шкатулки:

Вышли они из дворчя, царевна дверь замнула, сдилалась из дворчя одна шкатулочка. Шли-шли, дошли до второй сестры, она серебряный дворечь замнула — стала шкатулочка. Пришли

к первой сестре, она дворечь ключом замнула, стала одна шка-тулочка³⁴.

Все названные предметы (яйцо, яблоко, кольцо, клубок, шарик, платок, шкатулка) выполняют одинаковую функцию: служат для временного хранения и последующего извлечения дворцов или царств. По сути, эти атрибуты заключают в себе чужой мир, который впоследствии становится частью своего мира:

Вот оне токо приежжают на чарьской двор, а она и говорит: «— Ну-ко, вытащи это еицько и розбей ёго на широкой площади против дворця и увидаш, што будет». И вот он вытащил еицько из кормана, розбил ёго на широкой площади против чарьского дворця, то образовалсе серебряной дворець³⁵.

Пришли четверо в царство, покатили около царева дома яичко и явились спротив царя три дома: медной, серебряной и золотой³⁶.

В отдельных случаях яйцо, кроме того, помогает герою справиться с предсвадебными испытаниями, которые заключаются в том, чтобы добыть особую одежду, обувь и иные атрибуты, находящиеся в царствах или дворцах:

Иван сходил в полё, роскинул царство, вынял обувь и платье, а царство закатал, положил в карман³⁷.

Иван ударил по яблоку золотой палочкой, яблоко превратилось в дворец, он вошел в него и достал золоты кольца³⁸.

По классификации В. Е. Добровольской, эти предметные реалии относятся к числу тех, которые информируют о произошедших событиях, они «играют роль свидетельства, доказывающего пребывание героя в “ином” мире» [1, 70].

Можно добавить, что образ яйца представлен и в сюжетном типе СУС **2022В** *Разбитое яичко*, относящемся к разновидности кумулятивных (цепных) сказок. Подобные тексты известны в расширенном и сокращенном вариантах. Последнего вида сказки рассчитаны на детскую аудиторию:

Жили-были дед и баба. Была у них курочка-ряба. Снесла курочка яичко, не простое, а золотое. Дед бил-бил, не разбил, баба била-била, не разбила. Мышка маленькая бежала, хвостиком

махнула, яичко упало и разбилось. Плачет дед, плачет баба, а курочка кудахчет:

— Не плачь, дед, не плачь, баба, снесу я вам яичко, не золотое, а простое³⁹.

В расширенной версии представлено большее количество действующих лиц и происходящих событий:

Жил-был старик со старушкой, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком трягнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха възрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня, спрашивает: что они так плачут? Старики начали пересказывать: “Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком трягнула, полочка упала, яичко разбилось. Я, старик, плачу, старуха възрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась”. Просвирня как услышала — все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола. Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил? Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал⁴⁰.

По мнению В. Н. Топорова, сказки о курочке, снесшей яйцо, и мышке, разбившей его, можно рассматривать как «крайне вырожденный вариант» упоминаемых ранее космогонических представлений [10, 95]. Между тем, например, В. Я. Пропп, относит такие тексты к области комического: «самое событие ничтожно, и ничтожность этого события иногда находится в комическом контрасте с чудовищным нарастанием вытекающих из него последствий и конечной катастрофой (разбилось яичко — сгорела вся деревня)» [8, 293]. Впрочем, для сказочной традиции в целом характерен переход текстов из одной жанровой разновидности в другую (волшебные сказки превращаются в новеллистические и анекдоты).

В заключение следует попутно отметить, что немаловажная роль отводится яйцу и в литературе: оно, например, занимает ведущее положение в «Роковых яйцах» М. А. Булгакова.

Анализируя эту повесть в одной из своих статей, Е. М. Неёлов подчеркнул следующее: «центральный фольклорно-мифологический образ-мотив яйца, проходящий через все произведение, также способствует ощущению сказочности булгаковской повести. Подобный анализ архаической семантики этого образа-мотива, творчески переосмысленный Булгаковым, потребовал бы объема чуть ли не монографии, поэтому просто отметим, что то размытое световое пятно, в котором Персиков обнаружил свой “красный луч”, тоже весьма напоминает яйцо» [4, 126]. Сам луч сравнивается у Булгакова с иголкой, что, по словам Е. М. Неёлова, «сразу же вызывает в памяти волшебное-сказочное яйцо, внутри которого находится иголка, в котором спрятана смерть Кощея. И это привносит в социально-сатирическую символику “красного луча” новые, более глубокие, “вечные” смыслы» [4, 126].

Итак, образ яйца встречается в нескольких сюжетных типах русских народных сказок. Как подчеркивает В. Е. Добровольская, «мифологическое сознание сравнивало яйцо, с одной стороны, с вселенной, макрокосмом, с другой стороны, яйцо осмыслялось как микрокосм» [1, 63]. При этом можно согласиться с исследовательницей, что «никаких прямых космогонических и иных мифологических реминисценций в связи с яйцом в сказке не отмечается» [1, 63]. В текстах, относящихся к данному жанру, функции рассматриваемого атрибута отличаются либо фантастическим, либо юмористическим наполнением.

Примечания

- ¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Барага и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1984. Т. 1. 512 с. Т. 2. 464 с. Т. 3. 495 с.
- ² Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки / изд. подгот. Е. А. Костюхин и Л. Г. Беликова. СПб.: Тропа Троянова, 2001. 479 с.
- ³ Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым / изд. подгот. Е. А. Костюхин и Л. Г. Беликова. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 447 с.
- ⁴ Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: в 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. 476 с. Кн. 2. 348 с.
- ⁵ Наседку.
- ⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. № 105. С. 132–133.
- ⁷ Русские сказки Урала / сост. О. В. Востриков, В. В. Балкова. Екатеринбург, 1997. С. 38–43. Цит. по: [1, 63].

- ⁸ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1982, Т. 2. С. 47, 209.
- ⁹ СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. С. 274–275. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием номера страницы в круглых скобках.
- ¹⁰ Сказки Филиппа Павловича Господарёва / под общ. ред. Н. П. Андреева; запись текста, вступит. статья, примечания Н. В. Новикова. Петрозаводск: Госиздат КФСР, 1941. № 29. С. 376–395.
- ¹¹ Корзина с одной ручкой.
- ¹² Русские сказки в Карелии (старые записи) / подгот. текстов, статья и коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947. № 27. С. 141.
- ¹³ Там же. С. 142.
- ¹⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. № 158. С. 297–298.
- ¹⁵ Дедушкины прогулки, или продолжение настоящих русских сказок (1786 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века / изд. подгот. К. Е. Корепова и Л. Г. Беликова. СПб.: Тропа Троянова, 2001. С. 164–173.
- ¹⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 2. № 232. С. 185.
- ¹⁷ Русские народные сказки Карельского Поморья / сост.: А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1974. № 12. С. 103.
- ¹⁸ Карельские народные сказки. Южная Карелия / изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына (Степанова). Л.: Наука, 1967. № 13. С. 102.
- ¹⁹ Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова... № 241. С. 191.
- ²⁰ Худяков И. А. Великорусские сказки... № 43. С. 154.
- ²¹ Сказка о золотой горе, или удивительные приключения Идана, восточного царевича (1782 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века / изд. подгот. К. Е. Корепова и Л. Г. Беликова. СПб.: Тропа Троянова, 2001. С. 17–38.
- ²² Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XVIII века / изд. подгот. К. Е. Корепова и Л. Г. Беликова. СПб.: Тропа Троянова, 2003. № 34. С. 270.
- ²³ Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс]. — URL: <http://newstar.rinet.ru/kozmin/berezkin/> (05.08.2015).
- ²⁴ Сказки и сказочная проза. Фольклорные сокровища Московской земли / сост., подгот. текстов Н. М. Ведерниковой, Е. А. Самоделовой. М.: Наследие, 1998. № 24. С. 64.
- ²⁵ Худяков И. А. Великорусские сказки... № 81. С. 245–246.
- ²⁶ Загадки русского народа / сост. Д. Н. Садовников. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876. № 574. С. 67.
- ²⁷ Загадки / сост. В. В. Митрофанова. Л., 1968. № 949. Цит. по: [1, 107].
- ²⁸ Русское народное поэтическое творчество: хрестоматия: пособие для студентов нац. отд-ний пед. ин-тов / сост. Ю. Г. Круглов. 3-е изд., дораб. СПб.: Просвещение, 1993. С. 86.

- ²⁹ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. № 109. С. 275.
- ³⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. № 130. С. 197.
- ³¹ Песни, сказки, поговорки, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иванинским в Вологодской губернии / подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Вологда: Кн. изд., 1960. № 623. С. 135.
- ³² Русские народные сказки Карельского Поморья. № 54. С. 269.
- ³³ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. № 131. С. 333.
- ³⁴ Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края / подгот. текстов, вступ. статья, коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Тропа Троянова, 2006. № 41. С. 99.
- ³⁵ Сказки Карельского Беломорья. Т. I: Сказки М. М. Коргуева / записи, вступит. статья и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Карельское госуд. изд-во, 1939. № 14. С. 359.
- ³⁶ Великорусские сказки архива Русского географического общества: сб. А. М. Смирнова. В 2 книгах / изд. подгот. Т. А. Новичкова. СПб.: Тропа Троянова, 2003. № 160. С. 432.
- ³⁷ Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. № 241. С. 193.
- ³⁸ Сказки и нескладочная проза... № 24. С. 65.
- ³⁹ Дети-сказочники / сост. И. А. Разумова. Петрозаводск: Карельский научный центр, 1995. № 14. С. 28.
- ⁴⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1. № 70. С. 83.

Список литературы

1. Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. — 224 с.
2. Корепова К. Е. Русская лубочная сказка. — Н. Новгород: КиТиздат, 1999. — 243 с.
3. Неёлов Е. М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 199 с.
4. Неёлов Е. М. Фольклорная волшебная сказка и научная фантастика (анализ художественного текста): учеб. пособие. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1986. — 103 с.
5. Неёлов Е. М. Сказка и литература: судьба Царевны-лягушки. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. — 130 с.
6. Неклюдов С. Ю. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства: сб. статей. — М.: Искусство, 1972. — С. 191–219.
7. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. — Л.: Наука, 1974. — 255 с.
8. Пропп В. Я. Трансформации волшебных сказок // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избр. статьи. — М.: Наука, 1976. — С. 153–173.
9. Пропп В. Я. Русская сказка. — Л.: Наука, 1984. — 335 с.

10. Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок) // Труды по знаковым системам: учён. записки. — Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1967. — Вып. III. — С. 81–98.
11. Яворский Ю. А. Omne vivum ex ovo. К истории сказаний и поверий о яйце. — Киев: тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909. — 22 с.

Anastasiya S. Lyzlova

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre, the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

alyzlova@rambler.ru

AB OVO: ABOUT SEMANTICS OF THE RUSSIAN FAIRY TALE'S IMAGE

Abstract. The article studies the main functions, inherent to such a fabulous common attribute as an egg. The main mythological meaning of the egg referring to cosmogony whose echoes V. N. Toporov tried to find in Russian fairy tales undergoes a strong transformation in the works of this folk genre. Here this attribute may contain important elements such as the life force of Koschei, love and anxiety of the Tsar Maiden (the plot models are 302₁, the Death of Koschei in the egg and 400₂, the Tsar Maiden), it may also serve as a temporary storage for the items of the other world (plot model 301A, B Three underworlds) and extremely rarely contribute to the birth of a man (plot model 327 Tom thumb and the witch). The functions performed by the egg have fantastic content. In some cases similar actions may be associated with other items, equivalent to eggs (a ring, a ball, a box, or a handkerchief). In some fairy tales there is even a bigger transformation: the egg becomes reality of the texts with comic content (plot models 1218 Hatching, 1218** A Lazy person, sitting on the swan eggs, 1677 Minister (General) replaces a jester, who is busy hatching Chicks, 2022B a Broken egg).

Keywords: Russian folk tales, the egg, functions, plot models

References

1. Dobrovoľskaya V. E. *Predmetnye realii russkoy volshebnoy skazki [Culture-Bound Items in the Russian Fairy Tale]*. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2009. 224 p.
2. Korepova K. E. *Russkaya lubochnaya skazka [Russian Luboc Fairy Tale]*. Nizhniy Novgorod, KiTizdat Publ., 1999. 243 p.
3. Neyolov E. M. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki [Magical Fairy Tale Roots of Science Fiction]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 199 p.
4. Neyolov E. M. *Fol'klornaya volshebnyaya skazka i nauchnaya fantastika (analiz khudozhestvennogo teksta) [A Folk Fairy Tale and Science Fiction (Analysis of a Literary Text)]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1986. 103 p.

5. Neyolov E. M. *Skazka i literatura: sud'ba Tsarevny-lyagushki* [A Fairy Tale and Literature: The Fate of Princess' Frog]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2011. 130 p.
6. Neklyudov S. Yu. Osobennosti izobrazitel'noy sistemy v doliteraturnom povestvovatel'nom iskusstve [Specifics of a Figurative System in a Pre-literary Narrative Art]. *Rannie formy iskusstva* [Early Forms of Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, pp. 191–219.
7. Novikov N. V. *Obrazy vostochnoslavyanskoy volshebnoy skazki* [Images in the East Slavic Fairy Tale]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 255 p.
8. Propp V. Ya. Transformatsii volshebnykh skazok [The Transformation of fairy tales]. *Propp V. Ya. Fol'klor i deystvitel'nost'* [Propp V. Y. Folklore and Reality]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 153–173.
9. Propp V. Ya. *Russkaya skazka* [The Russian Fairy Tale]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 335 p.
10. Toporov V. N. K rekonstruktsii mifa o mirovom yaytse (na materiale russkikh skazok) [The Reconstruction of the Myth about the World Egg (based on Russian fairy tales)]. *Trudy po znakovym sistemam: uchenye zapiski* [Works about Sign Systems: Bulletin]. Tartu, Tartu State University Publ., 1967, issue 3, pp. 81–98.
11. Yavorskiy Yu. A. *Omne vivum ex ovo. K istorii skazaniy i poveriy o yaytse* [Omne vivum ex ovo. The History of Tales and Superstitions about the Egg]. Kiev, Tipografiya tovarischestva I. N. Kushnerev i K°, 1909. 22 p.

Дата поступления в редакцию: 18.08.2015